

АННА ДАНИЛОВА

Красные губы и зеленые глаза

ИНОГДА ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ...
С ТОГО СВЕТА...

Анна Данилова

**Красные губы и зеленые
глаза. Иногда они
возвращаются... с того света...**

«Издательские решения»

Данилова А.

Красные губы и зеленые глаза. Иногда они возвращаются... с того света... / А. Данилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831946-4

Что может натворить записка, брошенная в дамскую сумочку злой рукой?
Разрушить судьбы, превратить жизнь невинных в настоящий ад... Если бы не дар молодой пианистки «видеть» преступления, кто знает, чем бы закончилась эта чудовищная по своему цинизму история...

ISBN 978-5-44-831946-4

© Данилова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Красные губы и зеленые глаза Иногда они возвращаются... с того света...

Анна Данилова

© Анна Данилова, 2016

© Анастасия Гребенникова, фотографии, 2016

© Анна Данилова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-1946-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

ДЫМ И ЧЕРНАЯ ВОДА

Он был несколько даже рад, когда Ольги не оказалось дома. У него было время принять душ, сменить рубашку, накрыть стол и поставить в вазу цветы... И еще... Он, едва успев стряхнуть снег с шапки и даже не разувшись, достал из кармана длинного мехового пальто красную бархатную коробочку и открыл ее... При электрическом свете бриллиант сверкал конечно не так, как в магазине, но все равно он был хорош: крупный, в обрамлении восьми изумрудов, источавших зеленоватый дорогой свет... Такой же свет излучали и ее глаза сегодня утром, когда он заглянул в них, чтобы окунуться в их тепло и снова почувствовать себя любимым. Ольга умела внушить ему это чувство, как никакая другая женщина, и потому он, едва наступал вечер, уже начинал тяготиться своими делами и спешил домой, к жене. Он знал, что она встретит его с улыбкой, обнимет, скажет что –нибудь ласковое или смешное, чем сразу же снимет с него груз забот и тревог... Фирма, которую он возглавлял, переживала не лучшие свои времена, но вот сейчас как будто бы все становится на свои места... Еще месяц-другой, и они позволят себе открыть сразу три филиала...

Он не был уверен, что она запомнила этот день... А ведь ровно год тому назад они познакомились на вечеринке у Фруманов, и он пошел ее провожать... И проводил... Она была в зеленом узком платье, красивая и немного невеселе, она много смеялась и ходила, чуть покачиваясь, смешно и трогательно. И тогда он легко подхватил ее на руки и донес до ее дома, поцеловал на прощанье, а на следующий день приехал опять, поднялся и позвонил в дверь... Она была уже не такая праздничная и сверкающая, как на вечеринке своей сестры, на ней было длинное домашнее платье, а глаза заспанные, лицо милое и почти детское...

Сергей поставил бутылку с шампанским в самый центр стола, рядом с розами, достал хрустальные фужеры, серебряные кольца для салфеток, принес блюдо с лимоном, тарелку с нарезанной ветчиной и розетку с икрой...

И в это время зазвонил телефон:

– Сергей Петрович Савельев? – спросил высокий женский голос.

– Да, я вас слушаю...

– Мне очень неприятно сообщать вам все это, но я не в силах нести этот груз одна... Дело в том, что ваша жена уже несколько недель встречается с моим мужем... – женщина сделала паузу, словно перевела дух и продолжила со слезами в голосе: – Они встречаются у него в офисе... Я понимаю, конечно, Ольга красивая женщина, с ней хотело бы переспать много мужчин... А я некрасивая, но, понимаете, Вадим – МОЙ муж и я никому не собираюсь его отдавать... даже на время... Вы слышите меня?

– Что? – не понял он, – слышу ли я вас? Но этого не может быть...

– Еще как может... Увезите ее куда-нибудь из города... она словно околдовала его... или я за себя не отвечаю...

В трубке уже давно стонали длинные гудки, а Сергей все смотрел на нее, не желая верить в услышанное. «Этого не может быть... Нет, она на такое не способна...» Но в тоже время мозг его начал лихорадочно подтасовывать факты, свидетельствующие о том, что все это может быть реальностью... «Она целыми днями дома одна, предоставлена сама себе, скучает, занимается только тем, что ходит к подругам или в кино... А почему бы и нет? Она любит заниматься сексом, она расковна, раскрепощена, красива, молода... А почему бы и нет?..»

Он не мог объяснить позже, почему открыл шкаф и начал вытаскивать оттуда ее платья и швырять их на кровать... Быть может, он пытался представить себе Ольгу, одетую в эти

одежды и раздевающуюся перед чужим мужчиной... Но записку или письмо, которое вылетело из маленького кармашка черного бархатного жакета он заметил сразу же... Дрожащими руками развернул и принялся читать. Строчки сливались в темно-фиолетовые пятна, в глазах рябило... " ... поскорее бы ты пришла... Сижу за своим столом вот уже целых два часа и представляю, что ты уже у меня, в кресле... голенькая и розовая, щеки покраснелись, потому что ты знаешь, чем мы сейчас будем заниматься... Жаль, что я не могу приглашать тебя к себе почаще, у нас сейчас запарка... Оля, у тебя очень эротичное имя, оно такое же овальное, как и твой ротик в тот момент, когда ты делаешь мне... ты никогда не измеряла сантиметром свою родинку на плече? Мне кажется, что она по своим размерам совпадает с размером моей родинки, которая находится сама знаешь, где... Ты все-таки предложи своему Савельеву то, о чем я тебе говорил... По-моему, ему должно понравиться: двое мужчин и одна женщина, да еще такая, как ты... Мне хочется писать всякие глупости в духе Генри Миллера, помнишь, с чем он сравнивал то, что находится у вас между ног? С розовым кустом, кажется... А еще он хотел бы забраться внутрь, свернуться там, глубоко у женщины, клубком и замереть, жить... О, как я его понимаю... Если бы ты сейчас видела меня... Все, до завтра. Обеспечь себе алиби и приезжай. Только не забудь, по пятницам ты носишь красное белье... Целую всюду. В.»

Его затрясло, когда он повернул голову и увидел сложенное на подушке красное кружевное белье жены... Вчера была пятница, и она вернулась домой в половине одиннадцатого, сказала, что была у какой-то знакомой, которая живет аж возле аэропорта... Он взял в руки красный кружевной комок и поднес к носу, легкий цитрусовый аромат напомнил ему утренние объятия, близость... Неужели теперь все для него закончилось? «Лучше бы она умерла...»

Когда раздался звонок, он встал и как пьяный пошел открывать. Это была она. Как Снегурочка, высокая и запушенная снегом... Даже шубка побелела... А глаза смотрят прямо, открыто, словно им нечего бояться... И блестят... Откуда она?

– Привет. А ты не забыл, какой у нас сегодня день? – она сделала резкое движение, и перед глазами невменяемого Сергея возник огромный букет из белых и розовых гвоздик. – Поздравляю. А еще я купила в ресторане жаркое, его надо просто подогреть... Ты что это не впускаешь меня домой? Тоже сюрприз?

Она ничего не подозревала. Сначала смеялась, а потом притопнула ногой в нетерпении (пусти, мол), но он так и не пустил ее. Он даже не помнил, что говорил ей, кричал, оскорблял, схватил гвоздики и растоптал их у нее на глазах... Она даже не успела ничего ответить, а только увидела его лицо, близко-близко и поняла, что это конец... Что они потеряли друг друга. Навсегда.

Когда она очнулась, то поняла, что лежит на голом льду, на крыльце своего дома... Кажется, она скатилась с лестницы, то ли сама, то ли это сделал ОН... Она с трудом поднялась и тут же снова осела: резкая боль в ноге... И еще сильно болела правая скула... Она дотронулась рукой – мокро, кровь. Начиналась метель, можно было доехать до Ады... Только для этого надо подняться и доползти до дороги, а там она остановит такси... Она так и сделала. Доползла. Не было сил даже плакать: только непонимание и боль. В горло словно протолкнули ледяной шарик, а он забыл, как таять...

Прямо возле нее остановилась машина. Какие-то руки подхватили ее и забрали с собой, в ад, в смерть... Их было трое в этой машине, звери, животные...

***

– Если вам охота, то спойте еще раз этот номер и постарайтесь не фальшивить, а от вашего пения у меня уши закладывает... – Наталия тяжело вздохнув, окинула взглядом маленький натоленный класс, в котором стояло всего шесть столов, за которыми сидело восемь вспотевших от жары и изматывающих упражнений по сольфеджио юные музыканты,

дала им тональность и, слушая их неровное пение, неспеша прошлась к окну. Голубоватые сугробы прямо на глазах распухали от этого невиданного снегопада... «Красиво, – подумала она, – черное бархатное небо, белый крупный снег, желтый свет одинокого фонаря... Вот если бы еще не это детское бляение...»

***

Она уже сто раз пожалела о том, что вернулась в музыкальную школу. Контрастов ей, видите ли, захотелось... Но, с другой стороны, ее тоже можно было понять. Летом она рассталась сразу с двумя своими мужчинами, Логиновым, прокурором, и Валентином, которого она любя называла Жестянщиком... Объяснить Логинову, с которым она жила под одной крышей, что ей «по жизни» необходимы именно они оба, она все равно не смогла бы, поэтому она выбрала единственный правильный для себя путь: удалила их из своей жизни, как два разболевшихся, но еще вполне здоровых зуба...

Сара, ее близкая подруга, узнав об этом была шокирована: «Ну ладно еще твой Жестянщик, жила ты без него сколько и еще сто лет прожила бы, но Логинов... Как же ты теперь сможешь жить без него?..» Наталия понимала ее: Сару возмущал не столько факт разрушения любовного союза, сколько трудности, которые могли возникнуть в жизни Наталии вследствие ее ссоры с прокурором. Тот бизнес, который они – Сара и Наталия – организовали и который начал приносить, наконец-то, неплохие деньги, своим рождением был обязан прокурору. Частные расследования, которыми занималась Наталия благодаря своим уникальным способностям, в какой-то мере питались официальной информацией, полученной из профессиональных уст прокурора и его помощников, Сергея Сапрыкина и Арнольда Манджияна. И хотя зачастую приходилось лавировать и хитрить, чтобы и выудить у Логинова эту самую информацию, то теперь, с отсутствием таковой могло остановиться вообще все дело. Об этом Сара и сказала Натали в первую же встречу после ее разрыва со своими любовниками. На что Наталия лишь пожалала плечами: «Значит, вернусь в музыкальную школу.» И вернулась. Что дальше?

возможностьНо Сара не оставляла ее. Она, женщина, научившая ее понимать вкус денег, а, значит, вкус и самой жизни, сотрясала ее большую квартиру длинными монологами, суть которых сводилась к следующему: «Что ты прозябаешь в этой дыре, в этой провинции, когда у тебя есть деньги, которых тебе хватило бы, чтобы перебраться в Европу и купить там себе дом...» И все в таком духе. Дело в том, что одно из последних дел принесло Наталии действительно большие деньги. Картины французского постимпрессиониста Роже Лотара, найденные ею совершенно случайно в процессе расследования причины смерти своей подруги Полины Царевой, были проданы некому Фальку, антиквару, французскому русскому или русскому французу, проживающему в Париже и делавшему на антиквариате деньги. Жизнь улыбнулась ей, осветив золотым блеском серые будни и предлагая резко переменить обстановку, но она почему-то этим не воспользовалась. «Ты не понимаешь, Сара... Все дело в контрастах... Я знаю, что могу в любое время уехать отсюда и зажечь совершенно другой жизнью, полной удовольствий и комфорта, и именно эта мысль, эта возможность приносит мне куда больше удовольствия, чем все то, что меня там ждет в реальности... Я так хорошо себе это представила, что словно бы уже пожила ТАМ, ты понимаешь меня? А теперь вот как бы вернулась сюда, в холодную Россию, в свой небольшой провинциальный город с грязью на дорогах и расхлябанными троллейбусами... утомленными заботами людьми и пропахший резиновой гарью химволокна... Я хожу каждое утро на работу...» «Ну, положим, не ходишь, а едешь на своем сиреневом опеле...» «Не перебивай меня... Я вообще могу замолчать, но ведь ты же хочешь меня понять? Так вот и прислушивайся к тому, что тебе говорят... И вообще, ты сбила меня с мысли... Одно могу сказать: уехать я всегда успею.

Но здесь у меня ты, Логинов и Жестянщик, и хотя я их почти не вижу, они все равно живут в моем сердце... А еще приходят во сне...» «Может, тебе завести нового мужчину?»

«Если и так, что это должно произойти естественно, спонтанно... Что же касается нашего дела, то ты свои проценты получила?» «Получила, спасибо.» «Тогда до встречи... Мне пора на урок...»

Домработница Соня, которую Наталия наняла еще в бытность своего полусупружеского романа с Логиновым, жила в ее квартире на прежних правах, однако всегда помня и о своих обязанностях. Но видно было, как она скучает по Логинову. «Только он и умел хвалить мою стряпню,» – сказала она однажды, и это прозвучало так искренне, что Наталия чуть не растаяла и не предложила ей перейти «на службу» к прокурору. Но вовремя одумалась: ревность, как облезлая старая, но опытная кошка подняла ушки на макушки... «Этого не следует делать... Соня прекрасно готовит, к тому же – постоянная женщина в холостяцкой квартире постепенно приобретает повадки жены...»

***

Прозвенел звонок, дети как по команде исторгли восторженные крики по поводу окончания этого никому не нужного музыкального садизма, каковым общепринято считалось сольфеджио, и выбежали из класса в страхе, что Наталия Валерьевна оставит кого-нибудь из них на дополнительное занятие. Но Наталия Валерьевна даже и не думала мучать этих мальчиков и девочек, понимая, что дети не виноваты в том, что родители обрекли их на семилетнее мучение, называемое музыкальной школой, только из желания заполнить их свободное время, поскольку профессиональных музыкантов из выпускников этой школы выходило все меньше и меньше. Это объяснялось очень простой причиной: они уже не были нужны государству, а, значит, и обществу. Окультуривать деревни музыкой стало вообще дурным тоном: зачем ехать в глушь-лихомань, в заросший паутиной деревенский клуб, если жить придется чуть ли не в общежитии, в холоде и голоде, да еще и в обществе алкоголиков и алкоголичек? Не проще ли найти сытное и теплое местечко в городе? Но вакансии в городе были распределены на десятилетия вперед, а потому музыканты, которых стало как «собак нерезаных», подались кто куда: многие поспивались, остальные работали лоточниками, пироженщиками, уборщицами, а некоторые, и это касалось, в основном, женщин, просто превратились в домохозяйек, бесправных домашних животных, обязанных прислуживать за столом, содержать дом в чистоте и чистить обувь мужу-кормильцу...

Она стояла возле окна и смотрела, как ее ученики, высypавшие из школы, забрались чуть ли не по самые уши в сугробы и принялись валяться в снегу, забыв обо всем... Их голубоватые в вечернем свете фигурки с желтыми пятнами фонарного света на спинах вызывали умиление и стыд при мысли, что вместо того, чтобы позволить им предаваться своим детским забавам она заставляла их в течение полутора часов интонировать скучнейшие номера Калмыкова и Фридкина.

Она знала, что в школе почти никого не осталось. Разве что Бланш, которая могла допоздна возиться со своими пластинками и кассетами в кабинете звукозаписи. Но и она вскоре уйдет...

И тогда надо будет возвращаться домой, но сначала ей придется очистить машину от снега, завести мотор, разогреть его...

Или же пора покупать свою мечту – красный фورد?

Мысли Наталии были ленивы, как и она сама. Они плавно перекатывались с одной темы на другую, даже не удосуживаясь придерживаться какой-либо логики. Так, к примеру, она вспомнила о том, что дома ее ждет Соня, которая будет весь вечер смотреть на нее укоряющим взглядом, словно моля о том, чтобы она смилостивилась над нею и позволила Логинову, который, кстати, уже не раз приезжал для серьезного разговора с Наталией, вернуться к ней. Соня хотела возврата к прежней жизни, как, впрочем, и Наталия. Но Соня ничего не знала о существовании Жестянщика, который тоже играл большую роль в жизни ее хозяйки и, быть может, даже главную...

Она дождалась, пока все не утихнет, и села за пианино. Раскрыла крышку, которую захлопнул кто-то из ее учеников сразу же после занятия, коснулась пальцами теплых гладких клавиш и взяла, наконец, густой, насыщенный, построенный сплошь из напряженных малых терций аккорд... И тотчас вся покрылась мурашками... Сначала звуки доносились откуда-то издалека и были едва различимыми, но по мере нарастания его, Наталию охватил панический страх... Она услышала оглушительный взрыв, сотрясший все вокруг... Повалил горячий едкий дым, взметнулось оранжевое с черным, какое-то буйное, жирное пламя... Вокруг шипел, тая, снег и тут же превращался в черную воду... Она услышала крики откуда-то сверху, подняла голову и увидела стоящих на дороге, очень высоко в синем квадрате видения, людей... Они размахивали руками, сверкали фары остановившихся машин... Кто-то попытался спуститься в пропасть, куда улетела, очевидно, машина... Но которую за клубами дыма невозможно было различить... Наталия вспомнила Майю, сестру Сары Кауфман, которая инсценировала свою смерть... Что же на этот раз? Какую важную информацию выдает ей ее подсознание, чтобы втянуть в очередную страшную историю. Нет, к этому невозможно привыкнуть...

Несколькими мгновениями позже она УВИДЕЛА черно-белую картинку: утро, лежащий в снегу искаженный автомобиль и рядом с ним четыре черных тела, возле которых снуют фотографы, какие-то люди в черном... Один мужчина привлек ее внимание... Высокий, в длинном темном пальто, он курил неподалеку и объяснял что-то – стоящему по ту сторону видений – какому-то невидимому собеседнику. Это был Сергей Сапрыкин, помощник прокурора и большой друг Наталии, который после ее разрыва с Логиновым просто не осмеливался появляться у нее в квартире, хотя наверняка тоже скучал по ней, особенно по нормальной еде, которой ему так недоставало дома. Из звукового ряда можно было выделить только треск остывающего металла, хруст подмерзшей талой воды, которая впитавшись в декабрьскую землю, превратился в лед, да общий фон разговаривающей толпы.

Наталия оторвала пальцы от клавиш и оглянулась: она находилась в своем классе, в нем по-прежнему было душно, только теперь к характерному запаху паркетной мастики примешивался явный запах гари и бензина... Бланш, нещаметно вошедшая в класс (завуч школы, старейшая преподавательница музыки широчайшего профиля), тряхнув своими седыми кудряшками, пробормотала: «Ты тут не уснула? Что-то гарью пахнет... Наверно, потянуло с улицы... Ты только что играла что-то божественное, что это?» «Кажется импровизация на темы Баха... И я сама не знаю... Задумалась...» «Ну хорошо, я ушла... Запрещь тогда здесь все... До завтра...»

Наталия видела, как Бланш выходила из школы. Она была еще шустрая старушка и ходила очень энергичной, стремительной походкой. Уже через минуту она исчезла из поля зрения, ее крохотную фигурку в черном каракуле поглотила метель.

Наталия вошла в учительскую и оттуда позвонила Саре. Услышав ее приятный голос, она поняла, что за эти три года, как они с ней знакомы, она успела привязаться к ней и даже полюбить. И это при всех недостатках Сары, при том, что с ней невозможно расслабиться и приходится всегда быть начеку... Сложная и противоречивая натура, Сара обладала неисчерпаемой жизненной силой, которую Наталия просто черпала от общения с ней. Особенно она нуждалась в Саре сейчас, когда была вынуждена вести столь уединенный образ жизни и когда черная меланхолия своими противными липкими лапами все сильнее и сильнее сдавливала грудь.

– На ловца и зверь бежит, – металлическим голосом произнесла Сара на том конце провода, из чего Наталия сделала вывод, что случилось нечто из ряда вон выходящее и имеющее отношение непосредственно к Саре.

– Что-нибудь с Майей?

– Нет, слава Богу, она сейчас в Алжире, собирается написать какую-то книгу, дурочка... Нет, дело не в ней. Просто моему одному хорошему знакомому плохо... Сердечный приступ. Его увезли на «скорой» и, похоже, он уже одной ногой на том свете...

– Кто такой?

– Савельев Сергей. Очень порядочный человек...

– Это у него три немецких кафе и магазин английской обуви, и еще, если мне не изменяет память, одна из крупных риэлтерских фирм С.?

– Да, это он. Очень способный человек. И красивый, и семья у него... Мне очень жаль будет Олю...

– Понятно, ты бы хотела, чтобы я ПОСМОТРЕЛА, выкарабкается ли он или нет?

– Да, именно... Если хочешь, приезжай ко мне... Я приготовила курицу с орехами и пирог с лимоном. Мне-то нельзя, я на диете, так ты хотя бы поешь...

– Сара, ты своими лимонными пирогами накормила уже весь город...

– Не весь. Вот Савальева Сережку – не успела... А ведь я ему очень многим обязана. Это же он мне в прошлом году давал займы... и без процентов..

– Но ведь ты же сказала, что с процентами...

– Мало ли что я сказала. Ты должна уже отличать правду от лжи. К тому же, если бы я тебе сказала, что мне дали пятьдесят тысяч баксов без процентов, то разве ты бы мне одолжила остальные двадцать?

– Ну и аппетиты у тебя, Сара...

– Зато теперь мой салон ничуть не хуже московского... Я же наконец-то получила из Германии все оборудование для вибромассажа, гелевые ванны и фены. Ты же знаешь, как я ждала все это... Думала, что мои денежки уже вылетели в трубу... Но немцы – организованный народ. Кроме того, ты бы пришла ко мне, у меня столько разных бальзамов, кремов и лаков...

– Если ты забыла, что посвящала меня в свою тайну, то я могу тебе напомнить, что я УЖЕ знаю о том, что ты собираешься открыть магазин. Так что, Сара, главное при вранье не сам факт обмана, а способность запоминать, кому, когда и что именно ты говорила...

– Так ты посмотришь насчет Сережи?

– Не знаю, получится ли... Ведь я же его никогда не видела.

– Тогда приезжай ко мне. Мое пианино хоть и старенькое, но играть на нем можно...

Кроме того, я так соскучилась по тебе... С тех пор, как ты вернулась в школу, тебя невозможно застать дома. Трубку берет твоя верноподданная и, чеканя каждое слово, объявляет о том, что тебя нет...

– Хорошо, я сейчас приеду.

Она вернулась в класс. И почувствовала, что просто должна сесть за инструмент. Не понимая в полной мере логическую основу своих видений и связи своего подсознания со всеми картинками, возникающими в ее мозгу, она могла ВИДЕТЬ совершенно, казалось бы, случайные сцены из жизни самых разных людей. Поэтому ответить Саре, что она непременно увидит сейчас Савельева, было бы неправильным. Она могла увидеть целый круг лиц и событий, лишь косвенно имеющих отношение к нему. Поэтому мало было что-то увидеть, важно было определить эти связи, чтобы потом решать, как действовать дальше. Видения могли быть вырваны из чужой жизни, причем, как прошлой, так настоящей и даже будущей. Однажды таким образом Наталии удалось в своих видениях оказаться в Германии шестнадцать лет назад, в пивном кабаке, где она (с помощью диктофона!) сумела подслушать разговор двух мужчин, имеющих отношение к старинному пианино, нафаршированному бриллиантами. Странная была история. Странная, в основном, потому, что странная была убийца. Женщина с нарушенной психикой – что с нее взять? Как объяснить истинные мотивы преступлений? Это под силу только психоаналитику, да и то не всякому.

Она снова взяла тот же аккорд и снова почувствовала запах гари. Но когда дым рассеялся, она увидела в нескольких сантиметрах от своего лица огромный букет гвоздик: пенно-белые и нежно розовые с красными прожилками, напоминающими кровеносные сосуды... Гвоздики были так хороши и источали такой аромат, что мысль о том, что они имеют отношение к ближайшим похоронам Савельева, как-то не приходила. Гвоздик было много и они несли в себе заряд праздника, но никак не трагедии. Но потом букет сорвался вниз и мужские ноги (серые, в красную полоску, носки и коричневые ковровые домашние туфли) стали неистово топтать цветы, давить на кружевные нежные густые лепестки, выдавившая из них сок... И еще она успела заметить чью-то тень на полу и какое-то смазанное цветное пятно, словно размытый женский портрет: зеленые глаза, красный рот и белое лицо... И потом снова повалил густой дым.

«Я снова ничего не поняла. Расскажу Саре, может она сможет разобраться в этом...»

Заперев школу, Наталия, кутаясь в шубу, обогнула здание и остановилась перед своей машиной, которая напоминала теперь нахохлившегося гигантского белого кролика, настолько сильно ее занесло снегом... С трудом открыв дверцу, она достала тряпку и принялась счищать снег с крыши и капота. На это у нее ушло около двадцати минут. В это время салон уже успел прогреться и в его оранжевых освещенных недрах уже звучала меланхоличная мелодия Шаде...

Она выехала на оживленный проспект и, постепенно набирая скорость, полетела в центр города, где и жила Сара. Припарковав машину возле старого, но большого и красивого, с лепниной и витражами, дома, она, поздоровавшись с консьержкой, поднялась и позвонила в дверь.

Глава 2

КРАСНЫЕ ГУБЫ И ЗЕЛЕННЫЕ ГЛАЗА

Сара сердечно обняла ее в дверях:

– Господи, ну наконец-то... Проходи... Какой снегопад, какой снегопад! Я вот все смотрю в окно и дивлюсь... Как же это красиво...

– Красиво-то красиво, но я не завидую тем, кто сейчас находится в дороге... Представляешь, что сейчас творится за городом... Нет, в такую погоду лучше уж сидеть дома и любоваться на снегопад из окна своего дома... Сара, как же у тебя здесь хорошо... – она прошла на кухню – любимое место общения каждой женщины, села в мягкое уютное кресло возле окна и блаженно вздохнула: – Нет, все-таки у тебя лучше чем у меня... Как-то теплее что ли, причем в душевном смысле...

– Да брось ты! Просто с тех пор, как ты вышвырнула своего Логинова, у тебя тоска. Но она пройдет, как только ты позволишь ему вернуться. Он как вообще, одолевает?

– Ох, одолевает... Соня говорит, что он постоянно звонит и спрашивает меня.

– А ты что? – Сара накрыла стол, достала салфетки и подвинула к Наталии тарелку с дымящейся курицей и салатницу с маринованными рыжиками. – Вот, меня угостили рыжиками...

– А кто?

– Боишься, что отравленные? А ты не бойся. Ты со своими убийствами скоро подхватишь паранойю. Сиди спокойно и ешь, ни о чем не думая... У меня, конечно, много врагов, но, если честно, то эти рыжики французские, из банки... Просто мне подарили эту банку, вот и все.

Наталия поддалась уговорам и съела несколько грибов.

– Значит так, – сказала она спустя какое-то время, – я ПОСМОТРЕЛА, но, сказать по правде, ничего не поняла. – И она рассказала Саре о своих видениях, связанных со сгоревшим автомобилем и букетом бело-розовых гвоздик.

– Да уж, странно, ничего не скажешь... Я как раз перед твоим приходом звонила в больницу и разговаривала с Семен Григорьевичем, это мой знакомый врач... Он сказал, что Савельеву совсем плохо и что он навряд ли выживет. Чудо может произойти лишь в случае удачной, но очень рискованной операции... Как же мне жаль Олечку. Послушай, может мы навестим ее? Она будет очень рада (если, конечно, можно чему-то радоваться в такой ситуации) ... Мы, женщины, должны поддерживать друг друга... Ты, наверно, подумала: ну вот, пригласила в гости, а сама собралась уезжать... Да, ты все правильно подумала, ведь я даже когда разговаривала с тобой по телефону, знала, что приглашу тебя с собой к Савельевой. Понимаешь... не знаю, как бы тебе это лучше сказать... Словом, я и Савельев... – Сара чуть не согнула серебряную ложечку, произнося три последних слова...

– Да я все поняла. Сразу, как только ты начала расхваливать его. Я подумала еще тогда, что навряд ли ты так нервничала, если бы речь шла просто о знакомом. Сара, и как давно у вас это с ним?

– Давно. Но встречались мы крайне редко. Самое удивительное в этой истории, что он очень любит свою жену. А со мной встречается... даже и сама не знаю, зачем... Мужчин трудно понять. Возможно, что он любил и ее и меня... Ой, – она зажала рот рукой, – я же сказала о нем в прошедшем времени... Нет, я уверена, что он выживет... Вот, Наташенька, мой лимонник. Я понимаю, конечно, что чай с восточными ароматами – пошло и немодно, но мне нравится...

– Сара, твой снобизм портит мне аппетит. Мне всегда нравился твой чай, поэтому лей больше... Все, хватит...

Через час они уже сидели в машине и Сара рассказывала, как поскорее добраться до дома, где жили Савельевы. Проезжая по голубовато-белым от снега улицам, Сара качала головой и не переставала восхищаться падающим снегом. А потом вспомнила про видения своей подруги и даже всплеснула руками:

– Странно... При чем здесь эта катастрофа и букет гвоздик... Если бы он (не дай Бог, конечно) разбился на машине, то тогда было бы все ясно... А так... сердечный приступ... Ну и каша у тебя в голове! Сейчас налево...

Они въехали во двор четырехэтажного дома, остановились возле самого подъезда и Сара, не выходя из машины, попыталась определить, светятся ли окна савельевской квартиры.

– Что-то не видно, чтобы кто-то был дома... Но я спрашивала Семен Григорьевича, не приезжала ли Оля, он сказал, что пока нет... Может, она на кухне, окно выходит на дорогу... Ну что, пойдём?

Возле двери обе замерли, не веря своим глазам: на пороге квартиры лежал истерзанный и растоптанный букет гвоздик, тех самых, которые увидела Наталия в своих видениях.

– Что-то мне не по себе, – прошептала Сара и опустила руку, чтобы потрогать руками безжизненные цветы, словно проверяя самое себя на здоровье: не галлюцинации ли это? – Это те самые цветы...

– Да, те самые... Давай, позвоним...

Сара нажала на кнопку звонка. Но никто не открывал. Тогда она позвонила к соседке. Вышла высокая худая девица болезненного вида.

– Мариночка? Здравствуй, – Сара волновалась так, что даже начала немного заикаться, – ты узнала меня?

– Здравствуйте, конечно узнала. Но вы же знаете, что Сергей Петрович...

– Знаю, конечно, но мы приехали к Оле, а никто не открывает. Ты не знаешь, где она?

Марина с недоверием посмотрела на стоящую неподалеку Наталию, и Сара все поняла, она проскользнула в квартиру соседки и прикрыла за собой дверь: – Ну так где она? – она перешла на шепот. – У тебя что ли? Ты так загадочно на меня смотришь...

– Нет, она не у меня... Дело в том, что ведь это же я вызывала скорую для Сергея Петровича... А как бы я узнала, что у него сердце...

– Да, действительно. Ну и как же?

– А так, что здесь такое было... Ольга пришла, с цветами, он ей дверь открыл («Подсматривает, – подумала Сара, – через глазок, вот каналья... Участь всех старых дев.») и стал что-то такое поговорить, от чего она вся побледнела...

– А ты не расслышала?

– К сожалению, нет.

– А что было потом?

– А потом было и вовсе ужасное... Он ударил ее по лицу и столкнул с лестницы... И она убежала... И с тех пор она не приходила... Так что, дома никого нет...

Но Сара не растерялась. Понимая, что она приехала с Наталией, для которой важна каждая мелочь, она решила во что бы то ни стало проникнуть в квартиру Савельева. Быть может там, до приезда милиции (а это нельзя исключать) им удастся найти что-нибудь такое, то наведет Наталию на мысли и поможет понять, что же произошло между супругами и куда, наконец, исчезла Ольга. Поэтому она как ни в чем не бывало сказала:

– Понимаешь, Марина... Сергею Петровичу необходимы лекарства, я знаю, где они лежат... Я знаю, что у тебя есть запасные ключи... Ты не могла бы дать их нам на время... Это очень важно...

Марина с готовностью протянула ей связку ключей и с любопытством принялась наблюдать за тем, как Сара открывает две двери. Когда же обе женщины скрылись в квартире, она, вздохнув, захлопнула и свою дверь. Примерно за час до их прихода она уже была у Савельевых,

как это делала не раз, и даже успела примерить новое платье Ольги. Шизофрения сделала ее жизнь вполне счастливой.

– Взгляни, накрытый стол... Если верить этой ненормальной, то Сергей был дома, а Ольга откуда-то пришла... И, судя по всему, он ждал ее, чтобы отметить какое-то событие... Видишь, два прибора...

Наталия, слушая внимательно Сару, подошла, между тем, к столу и подняла с одной из тарелок льняной колпак – свернутую салфетку, под которым оказалась красная бархатная коробочка. Она открыла ее и увидела кольцо с бриллиантом и изумрудами.

– Сара, ты не знаешь, у Ольги когда день рождения?

– Не знаю... Дай-ка взглянуть... – Сара поднесла кольцо к лицу и невольно исторгла стон восхищения. – Какая красота... Я же говорила тебе, что он любил свою жену... Тьфу ты, пропасть, опять сказала о нем в прошедшем времени...

– Да не расстраивайся ты так, значит, он будет долго жить... Давай лучше представим себе, что же здесь произошло... По-моему, все предельно просто: твой Сергей накрыл стол и купил кольцо для Ольги. И не важно, в честь какого праздника. Может, они отмечали и вовсе что-нибудь интимное, предположим, день, когда Ольга впервые отдалась ему... Мало ли... Или, возможно, он каким-то образом узнал о том, что она ждет ребенка... Понимаешь, это кольцо говорит о том, что все это посвящалось именно ей... Если бы это касалось работы или самого Сергея, то не было бы кольца...

Ты согласна со мной?

– Вот черт, мне он подарил кольцо без изумрудов...

– Сара... очнись... Я чувствую, что произошло что-то непоправимое... А ты тут со своими женскими амбициями!

Но Сара сидела в кресле с отсутствующим видом и разглядывала бриллиант.

Наталия вошла в спальню и увидела разбросанные по кровати женские платья... Черной жуковой птицей раскинулся поверх прочей одежды роскошный черный бархатный жакет. Рядом с ним она обнаружила письмо, оно было смято, но Наталия распрямила листок и принялась читать: «... Оля, у тебя очень эротичное имя, оно такое же овальное, как и твой ротик... ты никогда не измеряла сантиметром свою родинку на плече?..»

Наталия спрятала письмо в карман и, просмотрев остальные вещи и не найдя в них ничего примечательного, вернулась к Саре.

– Сара, ты меня слышишь?

– Слышу, но не вижу. Ты извини меня, Наташа, что при виде таких вещей я просто слепну...

– Не расстраивайся, ты сама как бриллиант... Скажи лучше мне, Ольга не изменяла своему мужу?

– Ольга? Да ты что, смеешься? Она боготворила его,

обожала... Они любили друг друга. Для полного счастья им не хватало только детей, но так как они считали себя (да что я про них все в прошедшем времени!?) людьми цивилизованными, то и этой к проблеме относились с умом... Он говорил мне, что они запланировали ребенка на конец следующего года. Сергей бросил курить, чтобы это не отразилось на здоровье будущего ребенка...

– Разумный подход, ничего не скажешь...

– А чем вообще занималась Ольга? Она где-нибудь работала?

– Нет, конечно. Сидела дома и ждала мужа. Довольно часто бывала и у меня в салоне. У нее изумительная фигурка, красивые пепельные волосы, зеленые глаза и алые губы... Она всегда очень ярко красит губы... А какая кожа, можно только позавидовать...

– Как ты сказала? Красные губы и зеленые глаза? Где-то я уже видела эту картинку... Да, постой, как раз после того, как увидела цветы... Только лица невозможно было различить...

Все расплывалось, как акварель под дождем, но я успела увидеть именно красные губы и зеленые глаза... Значешь что, Сара, боюсь, что мне удалось узнать не о Сергее, а об Ольге... Ты не знаешь, где у нас поблизости от города есть обрыв? Потому что я-то знаю, где... Но мне интересно услышать от тебя... Это очень важно...

– Обрыв я знаю только один... Только это скорее песчаный заброшенный карьер, возле Каменки...

– Вот-вот, я тоже о нем подумала... Туда сейчас идет объездная дорога, ремонтируют мост... Я сейчас позвоню Сапрыкину...

Она нашла телефон и быстро набрала номер его домашнего телефона:

– Сережа, ты узнаешь меня?

– Ты? – Сапрыкин перешел на шопот. – Извини, что я так тихо, но меня подслушивает одна очень нехорошая женщина.

– Это та, на которой ты собрался жениться?

– Угадала. Слушай, я так рад тебя слышать... Твой Логинов...

– О драконах ни слова. Ты мне лучше скажи, тебя не вызывали на днях – вчера или даже сегодня – в Каменку, на карьер? Просто ответь: да или нет.

– Нет, а что случилось?

– Скажи, когда случаются крупные автомобильные аварии, тебя могут туда послать?

– Могут, но они все больше посылают меня, сама знаешь, куда...

– Не знаю, говорить тебе или нет, но я ВИДЕЛА... ты меня слышишь?

– Слышу... Ты увидела этот карьер и хочешь, чтобы я туда

съездил? Но выгляни в окно, снегопад-то какой! Пощади...

– Я не собираюсь тебя никуда отправлять... Просто слушай, что я тебе скажу, а потом проверим, совпало что-нибудь или нет, хорошо?

– Да, конечно...

– В карьер упала машина... Она горит, а в ней уже четыре трупа, причем один, кажется, женский... Не дай Бог, конечно, но ты мне перезвони, когда это случится...

– ЧТО случится? – не понял Сергей.

– Когда ты вернешься ОТТУДА.

– Ладно, позвоню, – ответил он странным голосом после некоторого молчания. А потом не выдержал и добавил: – Представляешь, как только ты мне это сказала, я словно почувствовал запах гари и голова слегка закружилась...

Боюсь, что сразу после твоего звонка мне позвонят из прокуратуры...

– Сережа, подожди, не бросай трубку... Хочешь совет?

– Слушаю...

– Расскажи своей невесте, что звонила я. Посмотри реакцию. Если она начнет кричать и топтать ногами, то в браке помножь все это на тысячу. Ты меня понял? И еще, когда будет желание, приезжай к нам с Соней и мы покормим тебя по-человечески. Целую... – она положила трубку.

– Значешь, где может быть Ольга, – сказала запыхавшаяся Сара, которая в то время, как Наталия разговаривала по телефону, успела убрать гвоздики и подмести у порога, – у Ады, своей родной сестры. Вот здесь в телефонной книге я нашла ее номер... Давай-ка, позвоним и все выясним...

Но растревоженная Ада, узнав Сару по голосу, сказала, что

Ольги у нее нет, что она была у нее часов в шесть, а потом поехала домой, сказав, что у нее важное мероприятие и что ей еще надо успеть заехать за цветами. О том, что у Савельева сердечный приступ она вообще ничего не знала.

– Ада, надо поговорить, – сказала Сара, – мы сейчас у Савельевых в квартире, нам Мариночка дала ключи, подъезжай... К Сергею сейчас все равно ехать бессмысленно: он в реанимации...

И она приехала, примерно минут через сорок.

Наталия, увидев перед собой эту рыжеволосую голубоглазую женщину в светлой норковой шубке и соболином берете, могла себе представить приблизительно, какой была и пропавшая Ольга.

– Вы похожи со своей сестрой? – на всякий случай спросила она, чтобы иметь большее представление об Ольге, как вдруг поняла, что занимается совершенно бесплодным делом: ведь находясь в квартире Ольги, можно было просто-напросто полистать многочисленные фотографические альбомы, которыми была заставлена книжная полка. Поголовное увлечение фотографией – Россию заполнили пункты дешевой и быстрой проявки и печатанья фотографий типа «Kodak» и проч. – давало возможность обессмертить любое торжество или просто себя самое без проблем. И, словно прочтя ее запоздалые мысли, Ада проворно достала с полки альбом и дала их в руке Наталии:

– Вот, пожалуйста, можете сравнить...

Со снимков на Наталию смотрела совсем еще молодая светловолосая женщина. Сара была права: красные губы и ярко-зеленые глаза. И повсюду она вместе с Сергеем Савельевым, тридцатипятилетним мужчиной приятной наружности. Они обнимаются, они смеются, они хохотут... они счастливы... Наталия вспомнила про письмо, которое лежало у нее в кармане и посчитала преждевременным показывать его кому-либо: «А вдруг все закончится хорошо, к чему тогда выносить сор из избы?»

– Да, вы удивительно похожи на свою сестру...

– Вы мне льстите, – улыбнулась Ада, – Олечка у нас красавица, а я растолстела... Сара, ты говорила что-то насчет гелевых ванн? О, господи, о чем это я говорю? Сара, ты хотела мне что-то сказать?

– Хотела. Понимаешь, Ада, Ольги нигде нет... – и она пересказала то, что услышала от соседки Марины.

– Да нет, этого не может быть... Чтобы Сережа поднял руку на Олю? Это исключено. Что вы верите этой шизофреничке?

– Но ведь что-то произошло... К тому же я только что убрала из подъезда огромный букет растоптанных гвоздик... А ты сама сказала, что Ольга должна была заехать за цветами... Вроде бы все сходится...

– Да что ты такое говоришь, Сара! Что сходится? То, что Сергей ударил Ольгу?

– Но ты же не можешь отвечать за поступки другого человека... Может, они поссорились...

– Хорошо, я вам скажу, зачем Ольге понадобились цветы... У них сегодня годовщина встречи... Ровно год тому назад они познакомились... Оля сказала мне, что купила зеленое платье, похожее на то, в котором была в тот вечер... Она была такая счастливая...

– А зачем она зашла к вам? – неожиданно спросила Наталия, слушая их разговор с Сарой.

– Она просто была в магазине, который находится рядом с моим домом... Называется он «Селена»... Вот такое странное название.

– А вы часто с ней встречались? Я хотела только узнать, насколько вы дружны и откровенна ли была с вами Ольга?

– Сара, твой знакомая, с которой ты меня, кстати, даже не познакомила, задает мне странные вопросы, да к тому же еще говорит об Оле в прошедшем времени...

– Извини, Адочка, это Наталия... Она совершенно необыкновенная... но об этом потом... Давай остановимся на том, что она тоже хочет найти Ольгу, она ей нужна по своим

делаю, – Сара не могла сказать, что это связано в первую очередь с обожаемым ею Савельевым, и потому выбрала такую форму для объяснения нездорового любопытства Наталии.

– Вы знакомы с моей сестрой?

– Да, знакома, – выдала из себя Наталия, мысленно «благодаря» Сару за идиотское положение, в которое та ее поставила. – И она мне действительно очень нужна... Но раз ее нет, то я, пожалуй, поеду домой... Если хочет, я могу всех вас подвезти...

– Но Ольги-то нет! Уже ночь... Где она?

– Может, у родителей, – высказала предположение Наталия, рискуя вновь оказаться не на высоте, поскольку, если она «знакома» с ней, то должна хотя бы знать, где находятся, да и вообще, живы ли родители Ольги.

– Нет, они уже уехали в деревню... Дело в том, что у нее вообще очень узкий круг знакомых... Не знаю, что даже и предположить... – Ада, казалось, только сейчас начала понимать всю серьезность ситуации. Кроме того, Наталия заметила, что она ни разу не обмолвилась словом о сердечном приступе Савельева.

– Тогда, Сара, – решила Наталия и даже встала с кресла и достала сигарету, я считаю своим долгом кое-что сказать... Понимаете, Ада, я совершенно не знакома с вашей сестрой... Дело в том, что мне удастся иногда что-то увидеть... причем настолько явственно... называйте меня экстрасенсом, как угодно, но я чувствую преступления... Иногда мне удастся их предотвратить, но чаще, к моему глубокому сожалению, по причине недоверия к моим способностям, мы, то есть наши правоохранительные органы опаздывают... Не скрою, я появилась в этой квартире неслучайно... Мне показалось, что авария, которая произошла или только произойдет в районе Каменки, имеет, к несчастью, какое-то отношение к вашей сестре... Но это вовсе не означает, что она погибла... Это может быть косвенная связь... Вот поэтому-то я и задавала вам некорректные вопросы, которые могли вам показаться простым любопытством... Иногда, когда я узнаю новую информацию, касающуюся личности человека, который меня интересует, мне становится легче объяснить то или иное видение...

Ада растерянно оглянулась на Сару:

– Сара! Как ты могла поставить эту девушку в такое идиотское положение?! Наташа, спрашивайте меня о чем угодно... Я вам все расскажу, чтобы только помочь вам.

Больше того, вы извините, но мне кажется, что я уже слышала о вас... Бедрицкая, Лискина... Да?!

– Да... Это я.

– Значит, это с вашей помощью удалось найти Рафа?

– Да... Хотя мне почему-то неприятно об этом вспоминать. – Ведь Раф, как это ни странно, перед тем, как стать убийцей нескольких женщин, был ее хорошим другом. Но психиатрия – не ее поле деятельности. Кто знал, что за красивой внешностью молодого человека скрывается патологический садист?

– Вы спрашивали меня, насколько откровенна была со мной Ольга? Так вот, отвечаю: предельно. Но у нее и не могло быть никаких особенных тайн, какие бывают обычно у женщин... Любовников у нее никогда не было, это я уже говорила... Что касается денег, то Сергей и так ей ни в чем не отказывал...

– Тогда я ничего не понимаю.

– Вы о чем?

Наталия не выдержала и снова взяла в руки телефон, набрала Сапрыкина. Трубку взяла женщина. Услышав голос Наталии, она взорвалась:

– Это опять вы? Нет его, я не знаю, что вы ему такого сказали... Короче, ему позвонили и вызвали в Каменку... Знаете, что я вам скажу, девушка (Наташа, если я не ошибаюсь), вы

разбирайтесь со СВОИМИ мужиками и не звоните больше Сергею... У вас своя жизнь – у нас своя...

– Вы говорите, он уехал в Каменку? Вы ничего не перепутали?

Но женщина уже бросила трубку. «Бедный Сапрыкин, скоро он наверняка придет и расскажет о том, какой он несчастный...»

– Сара, мне только что сказали, что Сапрыкина вызвали в Каменку... Ты понимаешь, о чем я?

– Песчаный карьер... – И Сара с болью в глазах посмотрела на ничего не понимающую пока Аду.

Глава 3

БРАТЬЯ КАРАВАЕВЫ. РОМАНОВСКИЙ СПИРТ И ОГЛАШЕНИЕ ПИСЬМА

Логинов тяжело переживал разрыв с Наталией. Он понимал, что все два с половиной года, что он прожил с ней, были для него чрезмерно большим счастьем, и эта чрезмерность порой пугала его, поскольку он ждал того дня, когда он наконец проснется и окажется, что все это ему только снилось. Так оно и случилось: он застал Наталию, женщину, которую он любил и идеализировал как только мог, с другим мужчиной. В постели. Что может быть красноречивее этой явной измены? Как и любой другой мужчина он ждал ее естественной в таком случае реакции: извинений, оправданий и прочих атрибутов женской несостоятельности и слабости. Но наткнулся на железобетонную леди, для которой свобода, как оказалось, превыше всего. А он-то думал, что она не соглашается выходить за него замуж и оформить их отношения лишь из кокетства и желания набить себе цену.

Он до сих пор не мог забыть той сцены в Москве, на кухне квартиры, где и произошла их предпоследняя встреча, когда Наталия, едва одевшись, стояла спиной к нему и говорила, что не готова разговаривать с ним, а потом она и вовсе закрыла лицо ладонями (как это делают дети, когда не хотят видеть что-то страшное) и так стояла до тех пор, пока оба ее любовника не вышли из квартиры и не оставили ее одну.

Но была и последняя встреча, уже дома, в С., когда Логинов с Валентином (так звали второго мужчину) встретились дома у Наталии и не без помощи Сони, безропотно накрывшей им стол, напились как последние свиньи в страхе за жизнь своей единственной подруги. Об этом было стыдно вспоминать. Утром, когда они проснулись у нее в гостиной и увидели ее, живую и здоровую после опасного дела, которое она проводила в Москве и параллельно в С., и во время которого на нее было совершено покушение, которое могло закончиться трагически, Логинов понял, что не может жить без этой женщины и выразил намерение остаться с ней не смотря ни на что. Приблизительно тоже самое, но уже на кухне (Логинов случайно подслушал) Наталии сказал и Валентин. Но Наталия ответила им приблизительно одинаково, заявив, что ей понадобится время, чтобы все обдумать, а пока попросила их не звонить и не приходить. Но время шло, за эти полгода можно было обдумать все что угодно, даже развязать войну, но Наталия, казалось, и не собиралась что-то менять в своей жизни.

Логинов пробовал следить за ней и в конечном счете изучил все ее маршруты. Ничего особенного: музыкальная школа, супермаркет, рынок, салон «Кристина», Сара, дом и кинотеатр. Все. Несколько раз он видел возле ее дома старую черную «волгу» Валентина, тогда он становился на своей машине таким образом, чтобы можно было понаблюдать за дверью подъезда. Но Валентин, похоже, не решался войти к Наталии, как и Логинов. Возможно даже, что и он видел «волгу» прокурора и тоже чего-то ждал, какого-то действия, которого не было...

Логинов жил один в своей огромной квартире и от тоски по ночам смотрел комедии с Пьером Ришаром и обедался ресторанными отбивными. Вспоминая свою жизнь у Наталии он жалел об одном: что не понимал ее, как женщину. Ведь если она была счастлива с ним, то не изменяла ему с Валентином.

Поздно вечером ему домой позвонил старший следователь Иван Безуглов и сообщил приятную новость: нашли братьев Караваевых. Эта тройка терроризировала всю область. Старший, 35-летний Стас Караваев отсидел семь лет за убийство жены, вышел и словно сорвался с оси, закружился, забился словно в агонии, круша все на своей дороге: он грабил квартиры, магазины, убивая при этом хладнокровно свидетелей; кровавый след его преступлений исчертил весь пригород и двинулся в город. Стас уже вместе со своими младшими братьями (одному

25, другому 27 лет) угонял и разбивал машины, насиловал девушек и женщин, обворовывая их и убивая, поджег несколько квартир, предварительно обчистив их... Действовал он непрофессионально, но всегда успевал убежать. Его почер было нетрудно узнать: где беспредел и полная бессмыслица – там побывали Караваевы. Бандит без будущего, смертник, который живет одним днем и не может надыхаться волей, так охарактеризовали его в прокуратуре.

– Ваня, повтори, что ты только что сказал... Я не сплю?

– Нет, Игорь Валентинович, мы действительно их нашли. Но... мертвых. Они разбились, рухнули в овраг, что в Каменке, там ужас, что такое... Снегопад, сами видите... Машина взорвалась, там наши люди сейчас работают...

– Там все трое?

– Трое-то трое, но с ними девушка... Трудно определить внешность...

– Ты что, сам туда ездил?

– Ездил, насилие вернулся в город... Позвонил своему другу в ГАИ, чтобы связались с администрацией города... Ведь это же стихийное бедствие – снег... Сколько людей могут замерзнуть на дороге, надо бы технику вывести, чтобы снег расчищать...

– Может, вещи какие сохранились?

– Я же говорю, там сейчас наши ребята работают... Я сам видел чемоданчик такой... женский с металлическими шарами-застежками... Он почти не обгорел... Может, что-нибудь и найдем...

Положив трубку, Логинов выключил видеомэганитофон и позвонил Сапрыкину:

– Сергей, там в Каменке разбились братья Караваевы... Все погибли. Тебе бы надо съездить туда, я сейчас позвоню в гараж, скажу, чтобы за тобой прислали джип... Ты что, уснул? не слышу криков восторга...

– В Каменке? – глухо отозвался Сапрыкин. – Рассказать тебе – не поверишь. Но тебя все равно не исправить, как и ту женщину, которая сейчас на меня орет... Хорошо, я поеду. И за джип спасибо, Родина тебя не забудет.

Джип им подарил один мафиози. Из тех которые «не пойман – не вор». Пришел к Логинову на прием и сказал: «Дарю вам джип. Новый. Вон он, стоит возле крыльца. Надо только оформить чин чином.» Сказал и уехал на стареньком «москвиче».

«Интересно, что имел в виду Сапрыкин, когда говорил «рассказать – не поверишь...»?»

Но настроения после известия о гибели бандитов не прибавилось. Как не прибавилось бы оно и после того, если бы ему сказали, что в городе с преступностью покончено навсегда. Он бы поверил, но не обрадовался. Ему было тошно в этих голых стенах и среди этой жуткой тишины... Кроме того, ему хотелось чувствовать Наталию, сжать ее в своих объятиях до хруста в костях, наговорить ей ласковых и нежных слов, которые все чаще и чаще приходили ему на память, но которые он не помнил, пока находился рядом с ней.

Он мучался до тех пор, пока рука сама не потянулась к телефону. Набрал номер, он разволновался как студент на экзаменах, даже вспотел, пока слушал длинные гудки, затем долгожданный щелчок и тоненький, почти детский голос Сони:

– Да, вас слушают.

– Она дома? – Логинов даже забыл поздороваться.

– Дома. Но вы же знаете...

Он бросил трубку, оделся и вышел из дома. Через двадцать минут он уже названивал в ЕЕ дверь.

Когда он увидел Соню, то просто обхватил ее обеими руками, как кулку, приподнял ее над полом и передвинул на пару метров в сторону, расчищая себе путь. (Причем Соня даже не пикнула, а только прикрыла в блаженстве глаза.)

Наталия пила чай на кухне и читала какую-то книгу. Увидев ворвавшегося к ней Логинова, она уронила книгу и застыла на месте, глядя на него и не веря своим глазам.

– Соня, налей и мне чаю, – громоподобный голосом потребовал Логинов и принялся разматывать с шеи шарф. – ты как хочешь, но я отсюда не уйду. Все, я решил. Если хочешь, уходи сама...

Соня, которая с готовностью преданной собаки кинулась выполнять команду любимого хозяина, от счастья покраснела как помидор. Наталия же вдруг поняла, что ждала этого визита, вот такого шумного, неистового и даже нахального долгих полгода. И дождалась.

– Тебе с молоком или лимоном? – спросила она как ни в чем не бывало, стараясь унять дрожь в пальцах, которыми схватила лимон, как будто он мог удержать ее от безрассудства.

Соня, на редкость тактичный и понятливый человек, на весь вечер скрылась в своей комнате позади кухни. Никто не знал, что она все эти несколько месяцев вязала для Логинова рождественский свитер. Только после того, как она напоила своего кумира чаем, пальчики ее со спицами замелькали вдвое проворнее.

***

Рассказав друг другу о том, как они скучали в одиночестве, как-то незаметно перешли на общую тему. Логинов рассказал о Караваевых, на что Наталия отреагировала очень странно. Она вскочила с постели, набросив на себя халат и села, серьезная и сосредоточенная.

– А теперь послушай, что Я тебе скажу... – и она рассказал ему о своих видениях. Затем вспомнила об исчезновении Ольги Савельевой, рассказала ему о том, что сообщила ей соседка Марина, Ада и Сара. – Как ты думаешь, рано поднимать шум?

– А ты видела дым и после того, как Сара попросила тебя ПОСМОТРЕТЬ, выживет ли Савельев?

– Да, и до и после... Вот я и подумала, а не связана ли эта автокатастрофа с Ольгой? И как вообще можно увязать братьев Караваевых и эту безупречную женщину?

– Я же тебе не сказал... Дело в том, что и ты видела на снегу четыре трупа, и Ваня Безуглов сказал мне, что в машине нашли четыре тела, три – это Караваевы, а четвертое принадлежит женщине... Я, конечно, не знаю, но вполне вероятно, что это и есть Савельева. Ты говоришь, что у нее муж сейчас находится в реанимации?

– Да, у него, кажется, инфаркт... Ему собираются делать операцию... Я уже поняла тебя, ты думаешь о том, кто бы мог опознать женское тело? МОжет, это сначала сделать мне? Я несколько часов назад видела Ольгу на фотографиях... не думаю, что в морг сразу же надо вести Аду... Вдруг это не она... Жалко будет женщину... Ну так как? Ты будешь помогать мне? А я тебе? Как раньше? – Ей было удивительно легко и просто общаться с этим большим и красивым мужчиной, которого она, не смотря ни на что, продолжала любить и испытывала восторг от того, что вновь видит его рядом и может обнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.